

алексей поляринов

риф

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Издательство благодарит литературное агентство
«Аmapola Book» за содействие в приобретении прав
<https://amapolabook.com/>

Поляринов, Алексей.
П54 Риф / Алексей Поляринов. — Москва : Эксмо, 2026. —
320 с.

ISBN 978-5-04-226307-1

Кира живет в закрытом северном городе Сулиме, где местные промышляют браконьерством. Ли — в университетском кампусе в США, занимается исследованием на стыке современного искусства и антропологии. Таня — в современной Москве, снимает документальное кино. Незаметно для них самих зло проникает в их жизни и грозит уничтожить. А может быть, оно всегда там было? Но почему, за счет чего, как это произошло?

«Риф» — это роман о вечной войне поколений, авторское исследование религиозных культов, где древние ритуалы смешиваются с современностью, а за остроактуальными сюжетами скрываются мифологические и мистические измерения. Каждый из нас может натолкнуться на РИФ, важнее то, как ты переживешь крушение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226307-1

© Поляринов А., текст, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1992 году художник Аниш Капур создал инсталляцию под названием «Нисхождение в лимб» (Descent into Limbo). Зрителей заводили в комнату с нарисованным на полу черным кругом. Подойдя к кругу, зритель обнаруживал, что на самом деле это яма, колодец, стены которого выкрашены черной краской. Глубина колодца — два с половиной метра, но из-за черного цвета он кажется бесконечным, настоящая бездна, смотреть в которую — страшно и некомфортно. Это тревожное ощущение опасной, ложной пустоты и было целью автора. Капур хотел, чтобы зритель испытывал тревогу.

Мне кажется, «Нисхождение в лимб» может быть неплохой метафорой отношений человека с памятью — личной, коллективной, любой.

Когда я задумывал «Риф», на первых порах я слабо представлял себе сюжет романа, но я знал главное — что пишу книгу о памяти; точнее — о пустотах, которые возникают в ней со временем; или — о пустотах, которые мы сознательно создаем в памяти, убирая из нее сложные, болезненные эпизоды. «Риф» в этом смысле — книга об идеально черной яме в комнате, где не только яма, но и пол выкрашен в черный цвет.

Честно говоря, я считаю, что писать предисловие к собственному роману — чаще всего плохая идея. В идеале любой читатель должен открывать книгу, не имея ни малейшего представления о том, что его ждет. Только так он получит чистый опыт, сможет сам обнаружить черную яму и, возможно, провалиться в нее. Авторское предисловие — это в ка-

ком-то смысле вторжение в личное пространство читателя. Автор должен быть мертв, он не должен вторгаться в отношения читателя с книгой.

Но иногда бывают исключения. И «Риф», мне кажется, одно из таких исключений. Чтобы объяснить почему, мне придется рассказать вам историю, которая произошла сразу после публикации книги в 2020 году.

Роман вышел в октябре, а спустя где-то месяц мне позвонила сестра, Маша. Мы обсудили с ней сюжет и в конце дошли до очень неудобной, некомфортной для нас обеих темы — до послесловия. Дело в том, что «Риф» — книга для меня очень личная, она родилась из моих наблюдений за женщинами, которые вырастили меня и воспитали. И в самом финале, в послесловии я довольно откровенно рассказал об этом. Я рассказал о непростых отношениях моих мамы и тети с их матерью, моей бабушкой.

И вот книга вышла, ее прочла моя сестра и позвонила обсудить прочитанное. В конце она сказала, что на неделе собирается навестить бабушку, и просила подписать для бабушки книгу.

— И еще, — добавила она, — ты в послесловии про нее пишешь. Как думаешь, она, наверно, расстроится, когда прочитает?

Я, разумеется, думал об этом. В послесловии не было ничего криминального, никаких скелетов из шкафа я не доставал, и все же... Пока писал роман и послесловие к нему, я много думал о том, где проходит граница дозволенного для писателя. Есть ли вещи, которые нельзя трогать?

Это — одна из ключевых тем книги: травматичное прошлое и наши с ним отношения. И работая над текстом, я решил быть до конца откровенным и в послесловии втянул в свой текст самых близких людей — без их разрешения. Что особенно иронично, в моем собственном тексте антагонист буквально вслух размышляет об этом так:

«У нас <...> есть семинары, на которых мы обсуждаем, насколько это этично — превращать близких, или коллег, или учеников в материал для исследования. Или для искусства. Близкие впускают тебя в свою жизнь, а ты крадешь их личное пространство и превращаешь в текст, в научную работу. Ты используешь их. С другой стороны: что поделать, если чужое личное пространство — самый лучший материал для создания чего-то нового? И далее — еще целая куча неприятных вопросов: это подло — без спросу брать фрагмент чьей-то жизни, обрабатывать и подписывать своим именем? И если я так поступаю, значит ли это, что я подлый человек?»

На это героиня, Ли, отвечает ему, что «всегда можно спросить разрешения».

И вот он я, написал роман, в котором проговариваются правила, которые я сам же и нарушил. Я должен был спросить у бабушки разрешения, но не спросил — почему? Потому что боялся, что описанные мной эпизоды она помнит иначе или вообще не помнит и что моя версия воспоминаний ранит ее, и она запретит мне использовать в романе части ее прошлого — а без них роман просто не состоится. Тогда, в 2018 году, это казалось мне оправданным, я перешел черту, присвоил прошлое своих близких. Это всего лишь несколько сцен и послесловие, убеждал я себя, ничего особенного.

И вот зимой 2020 года мы с сестрой Машей обсуждаем по телефону последствия моего решения. Мы оба знаем, что бабушка расстроится — мы не знаем, насколько, но проверять не хотим. Бабушка старая, у нее слабое здоровье.

— Я знаю, что делать, — говорю я после долгой паузы, — я просто вырву страницы с послесловием.

Сестра молчит, потом отвечает просто.

— Пожалуй, так будет лучше.

В мыслях я убеждаю себя в том, что это все — ради бабушки, я поступаю так, потому что люблю ее. Я до сих пор отчетливо помню, как вырывал страницы из собственной

книги и потом пару минут смотрел на них и думал, что дальше. Почему-то очень не хотелось выбрасывать их в мусорное ведро. Лишь спустя годы до меня дошло, как много злой иронии было в этом поступке.

Я написал книгу о том, что память может быть оружием; в книге есть целая секта людей, стирающих прошлое, крадущих его; в книге есть целая глава о цензуре и стирании страниц из архивов.

И вот я сам выдираю из книги страницы, калечу экземпляр собственного романа для бабушки, потому что мне не хватает духу признаться ей в том, что я... как это можно назвать?... присвоил ее прошлое?

Зачем я пишу об этом теперь? Мне было важно зафиксировать ловушку, в которую я сам себя загнал. Возможно, сейчас, пока вы еще не прочли роман и послесловие к нему, эта история с вырванными страницами выглядит для вас мелочью — и правда, какой чувствительный автор попался, нашел в чем каяться! Но для меня она важна, мне кажется, она добавляет роману важный контекст: автор этой книги оказался в ловушке собственных размышлений о стирании прошлого; автор этой книги однажды вырвал из нее несколько страниц, чтобы скрыть содержание этих страниц от близкого человека; автор этой книги считает, что писать предисловия к собственным книгам — ужасная идея.

«Нисхождение в лимб» Аниша Капура находится в музее Серралвеш, в Португалии. В 2018 году в инсталляцию случайно провалился один из посетителей. Он отделался легким испугом и почти не пострадал, сотрудники музея вытащили его из черной дыры.

Иногда мне кажется, что этим человеком был я.

Прежде чем перейти под контроль австралийской администрации, обитатели деревень, где свирепствовала (болезнь) куру, практиковали каннибализм. Съесть труп близкого родственника означало выразить ему свое почтение и любовь. Варили мясо, внутренности, мозг; истолченные кости подавали вместе с овощами. Женщины, надзиравшие за разделкой трупов и кулинарными операциями, оказывали этим мрачным трапезам особое предпочтение. Поэтому можно предположить, что они подцепляли болезнь при обработке зараженных мозгов, а затем, посредством физического контакта, заражали своих детей.

Клод Леви-Стросс, «Все мы каннибалы»

Настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. <...> Поэтому прошлое кажется то ближе, то дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его.

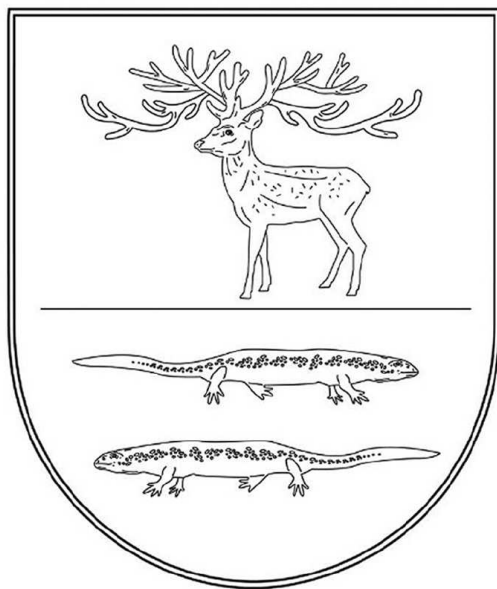
Итало Звево, «Самопознание Дзено»

КИРА

Строить начали в сорок девятом, земля была мерзлая, киркой не зацепишь, и первой смене пришлось взрывать верхние слои грунта динамитом; одним из взрывов случайно вскрыли подземную линзу льда, древнюю реку, в которой были видны вмерзшие в полупрозрачную толщу рыбы и амфибии. Орест Иванович рассказывал, что при детонации по всей стройке разлетелись куски доисторического мяса, мужики собрали их, поджарили на костре и съели, ибо замерзшая во льдах плоть ихтиозавров прекрасно сохранилась. Эту историю Кира слушала, затаив дыхание, хотя и не верила до конца, ей казалось, учитель выдумывает или как минимум приукрашивает реальность, чтобы удержать внимание школьников, которые просто не будут слушать, если в рассказе нет динамита или динозавров. Орест Иванович никогда прямо не говорил, что первыми строителями были заключенные, но из его лекций было ясно, что покорять мерзлоту мужики приехали не по своей воле. Пайка не хватало, и, чтобы не умереть с голоду, рабочие стали ловить тритонов — ходили с ведрами и собирали их, как ягоды или грибы. «Тритонов здесь были тьмы. Особый вид — сибирские углозубы», — пояснял учитель. Уж если кто и заслуживает место на гербе нашего города, добавлял он, так это тритон и олень, потому что именно они — своим мясом и костями — спасли первую смену от смерти. Мужики быстро сообразили, что углозубы зимуют внутри сгнивших деревьев и в верхних слоях почвы, во мхах. Их то и дело находили при корчевании пней. Мяса там было всего ничего, поэтому их бросали в суп, «для бульона».

И также с оленями — чуть на север была священная саамская земля, местные называли ее рогатым кладбищем. Бог знает почему, но животные приходили туда умирать. Очень скоро мужики добыли лук и стрелы, — возможно, сделали сами, а может, обменяли у местных племен на пару динамитных шашек или просто украли, кто теперь скажет? — и иногда ходили к рогатому кладбищу, караулить оленей; затем раздывали тушу и шили из шкур обувь и одежду, а кости бросали в кипящую воду к тритонам и пили бульон.

Когда первая смена закончила работу и от Сулима в 56-м на восток потянулась железная дорога, мужики — те из них, кто ухитрился не умереть, — объявили углозубов и оленей своими тотемными животными. С тех пор хвостатый и рогатый считались покровителями города, и их изображения украшали герб и ворота ГОКа, а матери и бабушки вязали детям свитера с орнаментом в виде сплетенных вместе земноводных существ и оленьих рогов.

Тритоны были важной частью жизни для всех сулимчан, особенно для школьников. После уроков дети иногда от нечего делать шли в перелесок, раскапывали палками грунт вокруг деревьев и пней, находили углозубов, отогревали и вместе наблюдали за тем, как в теплых руках окоченевшее, неживое мелкое земноводное начинает дергать лапками, шевелиться, как раскрываются его веки и оживают черные глаза — это было похоже на воскрешение из мертвых. Дети играли с ними, обменивались, давали имена и брали домой, а иногда рассказывали друг другу небылицы о песнях земноводных. Последними полнился детский фольклор. Осенью роза ветров менялась, и карьер начинал издавать звуки, похожие на тихое, многоголосое, тоскливое мычание — движение воздуха внутри его колоссальной архитектуры рождало странные ноты. Одни говорили, что это песни той самой первой смены рабочих — тех, кто не выжил, — их голоса застряли во времени, как рыбы в сети; другие твердили, что это тритоны поют голосами людей.

Однажды Кира тоже нашла углозуба внутри старого пня, завернула в платок, положила в карман и отнесла домой. Отогрела в ладонях, обустроила ему дом в обувной коробке, принесла коры и мха. Она назвала его Вадиком и иногда разговаривала с ним. Ей нравилось слушать, как он копошится, царапает картонное дно, пытается вырыть нору.

Вадик, впрочем, прожил у нее недолго. Пока она была в школе, мать зашла в комнату и заглянула в коробку. Вечером дома Киру ждал скандал. Мать редко ругалась, но если открывала рот, то так, что дрожали стены, а соседи закрывали уши своим детям. От криков матери Кира сама как будто превращалась в тритона — цепенела, замыкалась, проваливалась в себя; внутри все холодело, и у нее словно вышибало пробки в голове — защитная реакция. Мать замечала это и злилась еще сильнее: «Вот я пытаюсь тебе вдолбить тут, а у тебя взгляд стеклянный! Чего ты мертвую изображаешь?»

Мать не была намеренно жестока, она просто все делала шумно и наотмашь — смеялась, говорила, воспитывала дочь.

Тритонов мать отчего-то боялась — так же сильно и глупо, как слоны боятся мышей. Еще она боялась красоты. Или даже не так: красивые, изысканные вещи приводили ее в ужас. Увидев что-то красивое, она тут же в уме считала — сколько оно может стоить; причем считала не в рублях, а в булках хлеба и килограммах мяса. Для Киры ей, в общем, ничего было не жалко: подарки на дни рождения, хорошая одежда, учебники — все это Кира получала, но за красивые вещи всегда расплачивалась тем, что постоянно должна была выслушивать причудливую материнскую математику: «На эти деньги можно год питаться свежими отбивными!», «А это — целых сорок булок бородинского!».

Говорили, что раньше мать была самой завидной невестой в городе, но после сорока — Кира тогда еще училась в начальной школе — мать как-то внезапно постарела, ссугулилась, а над верхней губой выросли черные усики, которые она то ли не замечала, то ли просто не думала, что их замечают окружающие.

Уже «двадцать с гаком» лет мать руководила главной и единственной сулимской поликлиникой при комбинате и страшно гордилась тем, что за эти «двадцать с гаком» лет ее никто не смог подвинуть с должности. Хотя, с гордостью добавляла она, охотники были. Но она их всех переохотила.

Когда Кира окончила школу, мать тут же стала ее пристраивать — сначала в клинику, затем на цоколь. Цоколем здесь называли морг, и туда, как на фронт, мать отправляла стажеров, проверить на стойкость. «По моим стопам пойдешь», — говорила она. Но Кире не нравились материнские стопы, и более того, на цоколе с ней однажды приключилось странное: было ночное дежурство, она несла в прозекторскую инструменты, и кто-то сзади окликнул ее по имени. Какой-то тонкий, детский голос. Она обернулась, но коридор был пуст. С тех пор она старалась держаться от цоколя подальше, а спустя неделю и вовсе призналась матери, что больше не может

работать, потому что длинные клаустрофобные выложенные белой плиткой коридоры ее пугают (о том, что в этих коридорах жил детский голос, окликнувший ее по имени, она умолчала).

— Странная ты, Кирка, — сказала мать. — Как будто ку-кушка мне тебя подкинула. Ишь че, коридоры ее пугают. Откуда ж ты взялась такая нежная, на Крайнем-то Севере?

Кира поехала в Мурманск и поступила в пединститут и на четвертом курсе вернулась на практику — весной вела уроки у младших классов и помогала Оресту Ивановичу в архиве при библиотеке. Именно там, в читальном зале, в марте 1986 года она впервые встретила Титова.

> > >

У всех маленьких отдаленных городов есть одна особенность — сплетни здесь разносятся быстрее, чем сигналы боли по нервным узлам. Вот и в этот раз весть о том, что в городе видели приезжего, судорогой prošлась по улицам и лестничным клеткам. Уже на следующий день все знали, что некий товарищ Титов приехал в Сулим собирать информацию о рабочей демонстрации 2 июня 1962 года. Никто не говорил об этом вслух, наоборот, местные старательно молчали, но даже в их молчании чувствовалось нарастающее напряжение давно назревшего разговора.

Кира отлично помнила день, когда он появился. Это была ее смена, Орест Иванович ушел на обед, и она сидела одна в читальном зале за стойкой, скрепляла переписные журналы и раскладывала карточки в именном указателе.

Когда Титов зашел в зал, она его сразу узнала — приезжего легко опознать по одежде, особенно если с Большой земли; они всегда одеты слишком хорошо, даже если пытаются сойти за своих. На нем была черная куртка с кучей молний и капюшон с меховым краем; и обувь — коричневые кожаные сапоги, хорошие, новые, с высокой шнуровкой, таких не достать ни в Сулиме, ни в Мурманске.